

ПОЛИТИКА СССР И США
ПО РЕФОРМИРОВАНИЮ
ЗАРУБЕЖНЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ
В ПЕРИОД «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н.А. Цветкова

Тема политики СССР и США по реформированию зарубежных университетов в период «холодной войны» до сих пор является малоизученной в отечественной и зарубежной историографии, несмотря на наличие широкого корпуса источников. Статья показывает место данной темы среди исследований по «идеологической “холодной войне”» (Cultural Cold War), а также раскрывает ее источниковедческие и методологические особенности.

Ключевые слова: историография, «идеологическая “холодная война”», университеты, США, СССР, публичная дипломатия

Despite of newly declassified archival documents, the policy of both United States and Soviet Union at universities around the world during the entire period of the Cold War is still rarely studied in the scholarship. The paper is mapping the theme in the Cultural Cold War studies and reveals the methodological and documentary foundations.

Key words: historiography, Cultural Cold War, universities, USA, USSR, public diplomacy

В 1990-е гг. появилось новое научное направление в изучении такого исторического периода в развитии мировой истории, как «холодная война». Многие ученые подняли вопросы о влиянии уникального глобального контекста противостояния между США и СССР на развитие искусства, кино, музыки в отдельных странах. Изучение периода «холодной войны» стало развиваться по двум направлениям. Первое направление можно условно обозначить как политологическое, что подразумевает изучение вопросов межгосударственных отношений, внешней или военной политики. Второе направление можно условно обозначить как антропологическое или культурологическое. Оно под-

разумеает изучение периода «холодной войны» не с позиции межгосударственных отношений, а с точки зрения массового сознания, идентичности, культуры, искусства, образования, университетов, отдельных социальных групп и профессиональных корпораций. Это направление обозначается как социальная, культурная или «идеологическая “холодная война”» (*Cultural Cold War*) и охватывает ученых разных стран, которые решили сместить приоритеты в изучении истории «холодной войны» с политических на социальные и культурные аспекты. В данной статье мы позволим себе называть данное научное направление как «культурная “холодная война”» или «идеологическая “холодная война”».

В этом научном направлении развиваются такая тема, как судьба университетов разных стран, которые оказались под влиянием системы ценностей США или СССР. Система образования и университеты, в частности, оказались в эпицентре пересечения политических интересов противоборствующих блоков и идеологий. Вузы создавали элиту, а ее ориентация на США или СССР способствовала продвижению американских или советских интересов. Конфронтация и противостояние создали уникальные условия для расширения влияния двух держав на системы образования в других странах в период «холодной войны». Образование, наука и университет оценивались как эффективные проводники ценностей и оказались среди важнейших вопросов национальной безопасности и внешней политики Москвы и Вашингтона. Последние проводили модернизацию университетов, реформировали учебные планы, занимались переобучением преподавательского состава и студентов. Модернизация была связана с американизацией и советизацией университетов, что влекло за собой создание новых факультетов в области свободных искусств / марксизма, внедрение преподавания на английском / русском языке, включение в учебный план дисциплин в области политологии / марксизма и американистики / истории СССР, переобучение преподавателей и замену уставов университетов.

Однако реформы, осуществляемые американскими или советскими экспертами в других странах, встречали сопротивление со стороны той части зарубежного академического сообщества, которая придерживалась местных традиций и не стремилась сотрудничать с правительствами США или СССР в деле американизации или советизации своих университетов. *Консервативная профессура*, а именно так обозначают ее американские и советские документы, сопротивлялась американским или советским трансформациям. До сих пор в науке нет широкого эмпирического анализа и теоретического объяснения такого феномена, как сопротивление университетов реформам и трансформациям, идущим со стороны политической власти двух сверхдержав.

В данной статье мы покажем место темы — «политика США и СССР в университетах зарубежных стран» — среди исследований в таком научном направлении как «идеологическая “холодная война”».

С момента развития антропологического и культурологического подходов в изучении «холодной войны» появилось несколько солидных историографических работ. К ним мы относим редакторскую статью в журнале «Cold War History» в 2003 г. Авторы зафиксировали смещение предмета изучения истории «холодной войны» с макроистории о взаимоотношениях государств и правительств на микроисторию о судьбе отдельного человека, оказавшегося в эпицентре культурного противостояния¹. Особую роль авторы статьи отвели такому новому направлению научной мысли, как *homefronts*. Сюда были отнесены такие вопросы, как борьба диссидентов против тоталитарных режимов, революции, а также вопросы внутренней культурной политики и взаимоотношений между властью и интеллигенцией.

Через несколько лет интенсивных публикаций по теме культурных аспектов «холодной войны» исследователь Дж. Гордон дал развернутую характеристику появившихся трендов. Такие дисциплины, как история, как международные отношения, социология, культурология и сравнительная политология, принимают самое активное участие в исследованиях по «идеологической “холодной войне”», а все исследования можно разделить на два направления. Первое направление — это исследования по «идеологической “холодной войне”» (*Cultural Cold War*), которые анализируют, как культурные артефакты оказывали влияние на целевые аудитории «холодной войны». Второе направление — это исследования по культуре «холодной войны» (*Cold War Culture*), что подразумевает изучение моделей поведения и умонастроений групп населения, находившихся в условиях идеологического противостояния².

Из российских историографических исследований выделяется работа В.И. Фокина, в которой он выдвинул тезис об использовании понятия «внешняя культурная политика государства» для научных работ по публичной дипломатии или культурной дипломатии³. Российский исследователь совершенно прав, если мы рассуждаем о периоде «холодной войны». Тогда все государства использовали в своих официальных документах понятия «культурная дипломатия» или «внешняя культурная политика».

---

¹ Major P., Mitter R. East is East and West is West? Towards a Comparative Socio-Cultural History of the Cold War // Cold War History. 2003. Vol. 4. No. 1. P. 1–22.

² Gordon J. Revisiting the Cultural Cold War // Social History. 2010. Vol. 35. No. 3. P. 290–307.

³ Фокин В.И. Взаимодействие культур народов и внешняя политика государств (историография проблемы) // Клио. 2015. № 3. С. 44–52.

Однако основной проблемой исследований по историографии «культурной “холодной войны”» является отсутствие внимания к появившимся работам о политике США и СССР в системе образования, школах и университетах зарубежных стран. Данная политика официально была отнесена к культурной дипломатии или внешней культурной политике США и СССР.

Многообразие новых архивных документов детерминировало отсутствие широкого теоретического осмысления происходящих событий в социально-культурной или образовательной сфере периода «холодной войны». Большинство работ в данной области являются описательными и нарративными. Однако среди исследований можно найти исследования теоретического плана, которые не только предлагают дискуссии о понятийном аппарате такой дисциплины, как «культурная “холодная война”», но и выдвигают концепции, модели или теории. Три концепции доминируют в данном научном направлении: культурный империализм, американизация / советизация и взаимный культурный обмен.

Первая и самая популярная концепция — это концепция о культурном империализме. Классическая трактовка понятия звучит как использование политической и экономической мощи для распространения культурных ценностей одного государства в другом. Значимым поворотом к новому восприятию концепции стала работа известной немецкой исследовательницы Дж. Гиноу-Хехт. Она доказывает, что такие концепты, как американизация, вестернизация, глобализация или культурный трансфер, являются производными и вторичными по отношению к основной концепции — культурный империализм — и их появление в науке было вызвано сдвигами в системе международных отношений⁴. В настоящее время сторонники концепции культурного империализма в его классической трактовке переключились на дискурс о либеральном империализме, панамериканизме или пансоветизме. В период «холодной войны», как утверждают сторонники данной идеи, США были «империей по приглашению», которая проводила политику либерального империализма в странах-клиентах в целях сдерживания идеологии коммунизма, что создавало основы для ускорения развития демократии⁵.

Другая группа исследователей предлагает нетрадиционные трактовки данной концепции и заявляет, что зарубежные общества не были

---

⁴ *Gienow-Hecht J.* Academics, Cultural Transfer, and the Cold War — a Critical Review // *Diplomatic History*. 2000. Vol. 24. No. 3. P. 465–494.

⁵ *Van Ham P.* Power, Public Diplomacy and the Pax Americana // *The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations* / Ed. by J. Melissen. N.Y., 2007. P. 47–66.

пассивными получателями американских / советских программ в области образования, массовой культуры и пропаганды. Такие исследователи предлагают использовать теорию отклика или реакции (*response theory*) и смещают тему культурной экспансии в сторону изучения вопросов о методах сопротивления местных сообществ для сохранения традиций в культуре или образовании⁶. Однако в исследованиях о «холодной войне» данная концепция еще не так популярна в силу того, что большинство исследователей своим предметом обозначают политику США или СССР, а не реакцию целевой аудитории на политику сверхдержав.

Вторым научным дискурсом при изучении влияния США или СССР на зарубежные страны в период «холодной войны» являются концепции американизации и советизации. Классическое определение термина «американизация» звучит следующим образом: это процесс социальной и культурной адаптации к стандартам американского образа жизни. Концепция часто используется исследователями, которые изучают политику США в отношении стран Европы. Однако, несмотря на продолжительность дискуссий об американизации, ученые до сих пор не разработали точных методик изучения американизации той или иной европейской страны. Как доказать, что Германия, например, была больше американизирована, чем Швеция? Или правомерно ставить вопрос об американизации Европы, если многие страны, как, например, Франция, осуществляли политику сдерживания распространения американских ценностей? Сторонники данной концепции не решили до сих пор вопрос, как отделить процессы американизации от процессов глобализации или политики культурного империализма. Более того, вопрос о *степени* (!) американизации, несмотря на его слабую методологическую разработанность, является наиболее популярным среди исследователей. Ученые выделяют две степени американизации — полную и частичную⁷. Такое разделение процессов американизации требует четкой методологической обоснованности. Немецкий ученый Ф. Берган, известный специалист в области американизации Европы и Германии, попытался выработать новую методологическую основу для развития дискуссии. По его мнению, количественные исследования экономической жизни европейцев приведут к пониманию сути американизации⁸.

---

⁶ Kieh, jr. G. The Roots of Western Influence in Africa: an Analysis of the Conditioning Process // Social Science Journal. 1992. Vol. 29. P. 7–19.

⁷ Stephan A. The Americanization of Europe: Culture, Diplomacy and Anti-Americanism After 1945. N.Y., 2008.

⁸ Berghahn V. The Debate on «Americanization» Among Economic and Cultural Historians // Cold War History. 2010. Vol. 10. No. 1. P. 107–130.

Если ученые рассматривают советскую культурную дипломатию периода «холодной войны», то многие из них обращаются к концепции советизации. Концепция советизации стоит в более жестком терминологическом ряду, чем концепция американизации, и очень часто она является синонимом такого термина, как советский культурный империализм. Число работ по советизации разных сторон жизни зарубежного общества ничтожно мало по сравнению с числом работ по американизации. Под термином «советизация» понимаются процессы трансформации экономики, политики, культуры и образования по советской модели. Однако ученые предоставляют различные вариации понимания советизации. Многие из них акцентируются на советизации как внедрении коммунистической идеологии в регионе Восточной Европы. Разная «степень» советизации была обнаружена американским исследователем Дж. Коннелли. Исследуя политику СССР в образовательных институтах Чехословакии, Восточной Германии и Польше в первые послевоенные годы, он делает вывод, что советизация полностью состоялась в Восточной Германии, но почти провалилась в Польше⁹.

В подобных работах, как и в исследованиях по американизации, отсутствует методологическая база для измерения советизации. Несомненно, некоторая субъективность, при отсутствии использования количественных методов, всегда будет преобладать в таких работах. Более того, все исследователи изучают период 1950-х гг. и не учитывают фактор сопротивления местных групп населения, который был наиболее заметен в поздние периоды «холодной войны». Ученые изучают только то, что предпринимали США и СССР в зарубежных обществах, но не изучают реакцию со стороны целевой аудитории.

Третьим научным дискурсом являются исследования о теории взаимного культурного обмена. Данную концепцию обозначают термином *cultural transfer* в зарубежной литературе, а в отечественных исследованиях — «диалог культур» или «взаимный культурный обмен». Концепция определяется как процесс взаимной передачи культуры между странами. Многие ученые утверждают, что термины «американизация» и «культурный империализм» следует заменить понятием «передача культуры» (*cultural transmission*)¹⁰.

В науке стал намечаться новый поворот: теории модернизации и взаимозависимости, которые развивались адептами критической социологии и неомарксизма в 1970—1980-е гг., стали исчезать из исследований

---

⁹ Connelly J. *Captive University: the Sovietization of East German, Czech, and Polish Higher Education, 1945–1956*. Chapel Hill–L., 2000.

¹⁰ Kroes R. *Cultural Transmissions and Receptions: American Mass Culture in Europe*. Amsterdam, 1993, etc.

по «холодной войне» под влиянием идей о взаимном культурном обмене, а на их место пришла теория конструктивизма. Одним из таких концептуальных поворотов стала статья голландского исследователя Г. Скотт-Смита. Какая из теорий — реализм, либерализм или конструктивизм — лучше всего определяет феномен культурного и образовательного обмена в системе мировой политики? Автор утверждает, что конструктивизм в полной мере описывает эффект взаимодействия между государствами по линии программ обменов. Именно такие обмены распространяют ценности, делают их глобальными и нормативными¹¹.

Тему конструктивизма в изучении культурных аспектов «холодной войны» продолжают финские ученые. Они выдвигают парадигму о многоуровневом взаимодействии. Противостояние между блоками происходило на макроуровне, т.е. на уровне правительственной культурной дипломатии. На микроуровне, т.е. на уровне индивидуумов, существовало активное и конструктивное сотрудничество, а также отсутствие вражды. Взаимодействие преобладало над конфронтацией, а «железный занавес» в Европе был не плотным, а просто уже не существовал с момента разрядки¹². Поэтому теория конструктивизма, по их мнению, должна использоваться в изучении «культурной “холодной войны”».

Все указанные теоретические исследования имеют несколько слабых сторон. Во-первых, выводы о разной степени американизации / советизации или культурного империализма основаны на эмпирическом материале 1950–1960-х гг., что снижает доказательную базу для формирования одной из концепций. Во-вторых, исследователи детально изучают политику Вашингтона / Москвы в зарубежных странах без учета фактора реакции, причем реакции негативной, со стороны реципиентов американских или советских проектов в области культуры и образования. Подобная односторонность предмета исследования ограничивает наши представления о природе указанных концепций. Мы знаем, как действовали сверхдержавы в начальный период «холодной войны», американизируя или советизируя страны-клиенты, но совсем не знаем, как действовали представители различных местных институций против американизации / советизации в 1970–1980-е гг.

В научном направлении об «идеологической “холодной войне”» существует широкий пласт работ эмпирического, описательного и нарративного характера. Многие ученые, бывшие дипломаты и по-

---

¹¹ *Scott-Smith G.* Mapping the Undefinable: Some Thoughts on the Relevance of Exchange Programmes Within International Relations Theory // *Annals of the Academy of Political and Social Science.* 2008. No. 616. P. 173–195.

¹² *Autio-Saraso S., Miklóssy K.* Reassessing Cold War Europe. N.Y., 2011.

литики, а также популяризаторы науки занимаются исследованием данной темы. Такому положению вещей способствовала деятельность по рассекречиванию документов периода «холодной войны» американскими, российскими и европейскими институтами и группами историков. Например, работа немецких ученых по публикации документов в области культуры и образования периода советской оккупации Германии или создание англоязычных версий советских документов в области культуры, образования и спорта учеными американского исследовательского института имени В. Вильсона, а также работа польских, венгерских и многих других институтов в 1990–2000-е гг., привели в движение сотни исследователей в данной сфере. Они измеряют «холодную войну» проблемами литературы, музыки, театра, балета и пр., а не военными конфликтами или гонкой вооружений.

Все исследования эмпирического характера можно разделить на несколько крупных научных направлений.

Информационная деятельность является особым направлением в изучении культурной / публичной дипломатии США и СССР периода «холодной войны». Дискурс о победе американской пропаганды над советской доминирует в подобных исследованиях. В нейтральных исследованиях, ученые, как правило, предлагают описание работы механизма пропаганды¹³. В солидных исследованиях ученые пытаются дать объективный ответ вопрос об эффективности американской и советской пропаганды. Получил свое развитие тезис об успехах советской пропаганды, которая умело оперировала лозунгом о социалистической революции и играла на ожиданиях молодежи стран Третьего мира¹⁴. Наука накопила солидное количество исследований по некоторым кампаниям пропаганды США или по отдельным институтам, таким как «Голос Америки»¹⁵. Самой популярной темой является информационная деятельность радиостанции в странах Восточной Европы, которая, как показывают ученые, послужила катализатором Венгерского восстания 1956 г.¹⁶

---

¹³ *Pechatnov V.* Exercise in Frustration: Soviet Foreign Propaganda in the Early Cold War, 1945–47 // *Cold War History*. 2001. Vol. 1. No. 2. P. 1–27.

¹⁴ *Allen G.* Are the Soviets Winning the Propaganda War? // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1961. No. 336. P. 1–11.

¹⁵ *Мирошников С.Н.* Пропаганда или объективная информация: радиостанция «Голос Америки» в информационной войне администрации Д. Эйзенхауэра против стран Восточной Европы в 1953–1955 гг. // *Вестник КГУ*. 2014. № 3–2. С. 293–298.

¹⁶ *Pittway M.* The Education of Dissent: The Reception of Voice of Free Hungary, 1951–1956 // *Across the Blocs: Cold War Cultural and Social History* / Ed. by R. Mitter, P. Major. L., 2004. P. 97–116.

Музыка, кино и искусство в целом периода «холодной войны» являются сегодня центром притяжения многих ученых. Использование музыки в качестве политического инструмента для противостояния коммунизму в Европе, роль советских композиторов и русской классической музыки в процессах советизации, «ждановщина» и борьба с космополитизмом внутри СССР и др. — являются популярнейшими темами. Дискурс о пансоветизме стал сопровождать современные исследования, а многие исследователи приходят к выводу об успехе музыкальной дипломатии СССР в годы «холодной войны». Американская дипломатия представлена традиционной темой о том, как джаз и рок использовались Госдепартаментом для расширения влияния в странах Европы, Ближнего Востока и СССР¹⁷. Кино и его роль в политике «холодной войны» также представляет собой заметное направление в исследованиях по «культурной “холодной войне”». Такие исследования помогают ответить на вопрос о влиянии идеологии на массовое сознание. Однако многие работы носят описательный характер и не имеют четкой методологии исследования о восприятии зрителем американских или советских фильмов¹⁸. Изучение роли музыки, кино, изобразительного искусства в политике натолкнуло ученых на разработку нового предмета исследования — восприятие «другого». К таким исследованиям относятся изучение визуальных образов и плакатов двух держав¹⁹.

Отдельным направлением можно назвать изучение культурной дипломатии СССР в период «холодной войны». Эта тема является одной из традиционных, и к ней обращались ученые разных стран еще в период «холодной войны», когда доступ к документам был закрыт. Неоднократно вопросы советской культурной дипломатии поднимались российскими американистами и американскими русистами²⁰.

---

¹⁷ Fosler-Lussier D. Music Pushed, Music Pulled: Cultural Diplomacy, Globalization, and Imperialism // *Diplomatic History*. 2012. Vol. 36. No. 1. P. 53–64; Юдина А.М. «Джазовая дипломатия» США в 1950–1960-е гг.: из опыта использования американской «мягкой силы» в эпоху холодной войны // *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение*. 2014. № 18. С. 95–105.

¹⁸ Cull N. The Cold War on the Silver Screen // *Diplomatic History*. 2009. Vol. 33. No. 2. P. 357–359; Антонова И.А. Американский кинематограф во Франции во второй половине XX в. // *Клио*. 2011. № 6. С. 17–20.

¹⁹ Журавлёва В.И. Русский «другой» в американской политической карикатуре: от века XIX к веку XXI // *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение*. 2012. № 7. С. 64–96; Мамедова А.О. Изображение американского образа жизни в советском политическом плакате периода холодной войны // *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2011. № 3. С. 149–154.

²⁰ Болховитинов Н.Н. У истоков российско-американских научных связей // *Наука в России*. 1992. № 3. С. 40–43; Иванян Э.А. Когда говорят музы. *История российско-а-*

Сегодня данное направление переживает новую волну интереса, и здесь можно наблюдать следующие особенности. Период Н. Хрущева представлен как начало *глобальной* советской культурной дипломатии. Действительно, программы помощи, модернизации, обучения иностранных студентов, проводившиеся в рамках борьбы за страны Третьего мира, создали новую культурную дипломатию СССР. Исследования о двусторонних связях между СССР и другими странами остаются традиционными темами²¹. Многие специалисты доказывают, что *американизация* сталкивалась с *советской глобализацией*, а культурная политика Москвы не уступала по масштабам американской в странах Третьего мира²². Однако до сих пор изучение культурной дипломатии СССР в странах Азии, Африки и Латинской Америки остается малоизученным.

В этой же теме отметим такие феномены, как *советофилия* и *травелоги*. Общение европейской интеллектуальной элиты с политиками СССР в период «холодной войны» определяется как интеллектуальная советофилия (*intellectual Sovietophilia*). Почему многие европейские интеллектуалы, такие как П. Пикассо или Р. Роллан, закрывали глаза на проблемы советской системы? Известный американский ученый М. Дэвид-Фокс объясняет советофилию влиянием движения левых в Европе, идеи которых совпадали с советской идеологией в терминах антифашизма, прогрессивного гуманизма и глобальной справедливости²³. Отсюда вытекает тема о травелогах — о путешествиях деятелей культуры в СССР или из СССР, которые формировали образ и стереотип страны назначения в своих путевых заметках, статьях и книгах. Наконец, отсюда вытекает тема о массовом туризме как средстве донесения позитивного образа страны. Сегодня появилось определенное

риканских культурных связей. М., 2007; Журавлёва В.И. Американская кукуруза в России: уроки народной дипломатии и капитализма // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2013. № 21. С. 121–146; Сазанова Н.В. Советско-американские отношения в области культуры и науки в военный и послевоенный период // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. № 1. С. 69–74; Barghoorn F. The Soviet Cultural Offensive: The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. N.Y., 1960; Rosenberg V. Soviet-American Relations, 1953–1960: Diplomacy and Cultural Exchange During the Eisenhower Presidency. N.Y., 2005.

²¹ Агеева И.А. Культурные связи в советско-канадских отношениях в 1950-е – начале 1960-х годов. По новым архивным материалам // Новая и новейшая история. 2009. № 6. С. 65–79.

²² Wishon J. Soviet Globalization: Indo-Soviet Public Diplomacy and Cold War Cultural Spheres // Global Studies Journal. 2013. Vol. 5. No. 2. P. 103–114.

²³ David-Fox M. The «Heroic Life» of a Friend of Stalinism: Romain Rolland and Soviet Culture // Slavonica. 2005. Vol. 11. No. 1. P. 3–29.

число статей, монографий и сборников статей, в которых собраны различные микроистории под общим названием — приезд иностранцев СССР²⁴. Подобные исследования еще носят описательный характер, но вскрывают детали восприятия «другого».

Тема, касающаяся культурных, научных и академических обменов между СССР и США, остается популярной. Современные исследователи занимаются деконструкцией программ обменов с точки зрения осуществления пропаганды СССР в США или наоборот. Другие ученые собирают интервью с бывшими участниками программ обмена и реконструируют их повседневную жизнь²⁵. Самым плодовитым исследователем и мемуаристом по данной теме оказался бывший сотрудник Госдепартамента и Информационного агентства периода «холодной войны» Й. Ричмонд. В одной из последних работ он показывает, что программы обменов привлекали советскую элиту, включая комсомольских работников. Именно эта молодежь оказалась под влиянием американских ценностей, что сказалось на судьбе СССР²⁶. Тема фестивалей, выставок и прочих масштабных публичных мероприятий между СССР и США является частью исследований, посвященных «культурной “холодной войне”». Хорошо изучена выставка США в Москве и Ленинграде в 1959 г.²⁷ Все подобные исследования наполнены интереснейшим и новым нарративом, что расширяет наше понимание истории культурной дипломатии. Однако большинство таких работ касаются культурной дипломатии между двумя странами только 1950–1960-х гг. И до сих пор наука не разработала исследовательских процедур для оценки результатов программ обмена.

Вопросы культурного обмена между США и СССР переросли в более широкую тему о взаимодействии между Западом и Востоком. Взгляд на идеологическое противостояние между блоками сегодня осуществляется с разных сторон. Ученые разных стран, как правило,

---

²⁴ Babiracki P., Zimmer K. Cold War Crossings: International Travel and Exchange across the Soviet Bloc, 1940s–1960s. College Station (TX), 2014.

²⁵ Крымская А. С. Становление и развитие института американских стажеров в Санкт-Петербурге. СПб., 2014.

²⁶ Richmond Y. Cultural Exchange and the Cold War: How the West Won // American Communist History. 2010. Vol. 9. No. 1. P. 61–75.

²⁷ Reid S. Who Will Beat Whom? Soviet Popular Reception of the American National Exhibition in Moscow, 1959 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2008. Vol. 9. No. 4. P. 855–904; Зезина М. П. «Отвлечь советских людей от американской выставки в Москве»: культурный обмен и соперничество СССР и США. 1959 г. // Исторический архив. 2013. № 5. С. 78–93; Фоминых А. Е. «Картинки с выставки»: Книги отзывов Американской выставки в Москве 1959 года — возвращение источника (Предисловие к архивной публикации) // Ab Imperio. 2010. № 2. С. 151–170.

принимают участие в публикации коллективных монографий. Поднимаются новые вопросы, анализируются новые архивные документы, а традиционные темы рассматриваются под неожиданным углом. К подобным публикациям относится коллективная монография о культурном обмене между Западной и Восточной Европой. Такие сюжеты, как конструирование образов через радиопропаганду и фильмы, восприятие «другого» при личном взаимодействии, а также вопросы исторической памяти стали частью историографии²⁸. К таким же исследованиям относится и коллективная монография финских исследователей, в которой авторы представляют читателю альтернативную историю взаимодействия между блоками. Контакты на индивидуальном уровне, разрядка и Хельсинкские соглашения 1975 г. создавали мосты между Западом и Востоком, а Европа рассматривается как единый транснациональный организм, включая ее «капиталистическую» и «социалистическую» части. Подходы конструктивизма доминируют в подобных исследованиях, а жесткий дискурс реализма, противостояния, культурного империализма и пропаганды становится научным прошлым²⁹.

Еще одним крупным направлением в изучении «культурной “холодной войны”» является тема по США. Изучение истоков внешней культурной политики США было основным направлением в науке в 1960–1980-е гг. Первыми значительными исследованиями по данной теме можно назвать работы американских историков Ч. Томсона и У. Лейвиса, а также Ф. Нинковича, изучавшими становление культурной политики Соединенных Штатов. Американские исследователи тогда впервые заявили о политических причинах использования программ культуры и образования в качестве инструмента внешней политики США³⁰. Изучение общих направлений культурной дипломатии США периода «холодной войны» продолжается и сегодня. Монография бывшего посла США Р. Арндта является новым и детальным прочтением истории внешней культурной дипломатии Соединенных Штатов на основе воспоминаний автора³¹. Одним из самых последних и значимых историографических явлений можно назвать сборник научных статей

---

²⁸ *Vowinckel A., Payk, M., Lindenberger Th.* Cold War Cultures: Perspectives on Eastern and Western Societies. N.Y., 2012.

²⁹ *Mikkonen S., Koivunen P.* Beyond the Divide: Entangled Histories of Cold War Europe. N.Y., 2015.

³⁰ *Thomson Ch.A., Laves W.H.* Cultural Relations and U.S. Foreign Policy. Bloomington, 1963; *Ninkovich F.* The Diplomacy of Ideas: U.S. Foreign Policy and Cultural Relations, 1938–1950. N.Y., 1981.

³¹ *Arndt R.* The First Resort of Kings: American Cultural Diplomacy in the Twentieth Century. Wash., 2005.

американских и европейских исследователей. Историография вопроса обогатилась исследованиями об информационной деятельности США в Нидерландах, Норвегии и Ирландии в 1950-е гг., в Испании в период правления Франко, а также в Сальвадоре в период администрации Р. Рейгана³². Кроме этого, ученые изучают роль отдельных ведомств или персонала в публичной дипломатии США³³.

Тема культурной дипломатии США в ряде регионов и стран является также популярна среди исследователей. Европа и ее американизация является самым изученным вопросом области «культурной “холодной войны”»³⁴. В отличие от американских ученых, которые доказывают в своих работах, что публичная дипломатия США достигла своих целей на континенте, ученые из Германии, Франции и России утверждают, что это далеко не так³⁵. Другие регионы изучены не так детально. Попадаются исследования о культурной дипломатии США в некоторых странах Азии, Латинской Америки и Ближнего Востока³⁶. Как правило, изучение культурной дипломатии в странах Азии, Латинской Америки или Африки перемешивается с темой модернизации и проектов помощи зарубежным странам. Это огромный пласт работ, в которых вопросы модернизации рассматриваются с позиции таких разных теорий, как неомарксизм или конструктивизм. В этих работах затрагиваются вопросы обучения или трансформации систем образования.

Завершая наш обзор эмпирических исследований в области «культурной “холодной войны”», нельзя не отметить тему спортивной дипломатии как части идеологического противостояния. Спорт в качестве инструмента культурной дипломатии является востребованной темой. Публикация новых документов по олимпийскому движению, наличие

---

³² *Osgood K., Etheridge B.* The United States and Public Diplomacy: New Directions in Cultural and International History. Leiden, Boston, 2010.

³³ *Cull N.* The Cold War and the United States Information Agency: American Propaganda and Public Diplomacy 1945–1989. Cambridge (UK), 2008; *Tomlin G.* Murrow's Cold War: Public Diplomacy for the Kennedy Administration. Lincoln (NE), 2016.

³⁴ *Saunders F.S.* Who Paid the Pipe?: The CIA and the Cultural Cold War. L., 1999; *Pells R.* Not Like US: How Europeans Have Loved, Hated, and Transformed American Culture since World War II. N.Y., 1997, etc.

³⁵ *Kuisel R.F.* Seducing the French: the Dilemma of Americanization. Berkeley, 1993; *Gienow-Hecht J.* Transmission Impossible: American Journalism as Cultural Diplomacy in Post-War Germany, 1945–55. Baton Rouge, 1990; *Tsvetkova N.* Failure of American and Soviet Cultural Imperialism in German Universities, 1945–1990. Leiden, 2013.

³⁶ *Graham S.* Culture and Propaganda: The Progressive Origins of American Public Diplomacy, 1936–1955. N.Y., L., 2015; *Vaughan J.* The United States and the Limits of Cultural Diplomacy in the Arab Middle East, 1945–1957 // Searching for Cultural Diplomacy / Ed. by J. Gienow-Hecht. N.Y., P. 162–188.

современных проблем лоббизма в области международного спорта, а также использование спорта во внешней политике обеспечили данной теме перспективное будущее³⁷.

При рассмотрении вопросов университетской политики США или СССР большинство ученых обращают внимание на трансформации, происходившие в американских или советских вузах в период «холодной войны»³⁸. Однако существует внешний аспект университетской политики США или СССР, который относится к трансформации университетов в странах Европы, Латинской Америки, Африки и Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). До сих пор, несмотря на широкий корпус источников, данная тема все еще фрагментарно изучена российскими и зарубежными историками «холодной войны». Отметим те исследования, в которых она затрагивается.

Влияние США и СССР на зарубежные университеты чаще всего упоминается в работах, которые посвящены программам академического обмена между студентами или преподавателями. Такие программы рассматриваются с нескольких позиций: как политический инструмент, как элемент взаимодействия между идеологическими противниками, а также как инструмент получения научных знаний и передачи технологий. Самым плодовитым автором в данной области является голландский исследователь Г. Скотт-Смит, который утверждает, что программы обменов сформировали лояльную элиту в Европе и закрепили трансатлантический союз³⁹. К этой теме относятся образовательные обмены для подготовки профессионалов посредством благотворительных фондов США. Например, хорошо задокументированы примеры создания целого поколения специалистов в области сельского хозяйства в таких странах, как Индия⁴⁰. Новые документы

---

³⁷ Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. Красный спортивный интернационал и зарождение советской спортивной дипломатии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2012. № 2. С. 107–114; *Sarantakes N.* Moscow versus Los Angeles: the Nixon White House Wages Cold War in the Olympic Selection Process // *Cold War History*. 2009. Vol. 9. No. 1. P. 135–157, etc.

³⁸ Кубышкин А.И. Город и мантия. Американский университет в структуре гражданского общества. СПб., (в печ.); *Graham L.* Between Science and Values. N.Y., 1981; *Chomsky N.* The Cold War and University. N.Y., 1997; *Mueller T.* The Rockefeller Foundation, the Social Sciences, and the Humanities in the Cold War // *Journal of Cold War Studies*. 2013. Vol. 15. No. 3. P. 108–135.

³⁹ *Scott-Smith G.* Networks of Influence: U.S. Exchange Programs and Western Europe in the 1980s // *The United States and Public Diplomacy: New Directions in Cultural and International History* / Ed. by K. Osgood, B. Etheridge. Boston, Leiden, 2010. P. 345–370.

⁴⁰ *Brooks C.* «The Ignorance of the Uneducated»: Ford Foundation Philanthropy, the IIE, and the Geographies of Educational Exchange // *Journal of Historical Geography*. 2015. No. 48. P. 36–46.

позволили специалистам воссоздать историю влияния программ обучения на страны Восточной Европы в 1960-е гг., когда фонд Форда реализовал «интеллектуальный план Маршалла» для Польши, что привело к развитию социологии в польских университетах⁴¹. К этой группе относятся исследования об обучении иностранных студентов в США или СССР. Если раньше такие труды носили сугубо описательный характер, то сегодня исследователи расширяют и усложняют данную тему. Вопросы идентичности, расы, конструкты «свой / чужой» стали частью дискурса подобных исследований⁴². Сюда же относятся исследования, посвященные изучению отдельных программ обмена. Например, анализируя влияние американских фулбрайтовцев, которые приезжали в КНР на протяжении 1979–1989 гг., авторы показывают, как ученые США, несмотря на полную аполитичность программы, повлияли на умы китайских студентов в области распространения либерализма⁴³.

Сегодня наблюдается некоторый рост исследований по образовательной политике США или СССР в отдельных странах. Очень показательна статья британских историков о влиянии США на науку в университетах Великобритании. Они показывают, что модели обучения и проведения исследований по образцу Массачусетского технологического института не прижились в Англии из-за сопротивления со стороны национальной академической элиты⁴⁴. Здесь же можно обозначить работы о создании американских школ и вузов в зарубежных странах. Американские университеты в Бейруте и Каире являются самыми популярными темами. Такие вопросы, как распространение национализма, американской модели образования, а также формирование лояльной элиты через университеты являются основными при изучении подобных тем⁴⁵. Представлены научные исследования, посвященные созданию Свободного университета в Берлине или Свободного европейско-

---

⁴¹ *Czernecki I.* America and Human Capital Formation in Communist Europe Aspirations, Reactions and Results // *International Review of Social Research*. 2014. Vol. 4. Iss. 2. P. 61–74.

⁴² *Guillory S.* Culture Clash in the Socialist Paradise: Soviet Patronage and African Students' Urbanity in the Soviet Union, 1960–1965 // *Diplomatic History*. 2014. Vol. 38. No. 2. P. 271–281; *Cahiers D.* Death of an African Student in Moscow: Race, Politics, and the Cold War // *Monde Russe*. 2006. Vol. 47. No. 1/2. P. 33–63.

⁴³ *Xu G.* The Ideological and Political Impact of U.S. Fulbrighters on Chinese Students: 1979–1989 // *Asian Affairs: An American Review*. 1999. Vol. 26. No. 3. P. 139–157.

⁴⁴ *Bocock J., et al.* American Influence on British Higher Education: Science, Technology, and the Problem of University Expansion, 1945–1963 // *Minerva: A Review of Science, Learning & Policy*. 2003. Vol. 41. No. 4. P. 327–346.

⁴⁵ *Anderson B.S.* American University of Beirut: Arab Nationalism and Liberal Education. Austin, 2012; *Цветкова Н.А.* Американский университет за рубежом: практика создания и развития // *США–Канада: экономика, политика, культура*. 2013. № 11. С. 87–97.

го университета в Страсбурге⁴⁶. Сюда же относятся работы о тех восточноевропейских университетах, которые либо существовали подпольно, как, например, университет в Польше, либо были открыты в странах Западной Европы и США и получали статус «беженца»⁴⁷.

Советская политика в зарубежных вузах упоминается в тех исследованиях, которые изучают вопросы программ помощи в развитии других стран. Как правило, ученых интересуют только некоторые аспекты образовательной политики СССР. Показательным примером выступает статья немецких авторов, которые рассматривают политику Советского Союза по созданию подготовительных факультетов или рабфаков во Вьетнаме, в Мозамбике и на Кубе. Понятно, что внедрение системы подготовки для поступления в вуз расширяло число рабочих и крестьян среди студентов вузов. Авторы приходят к выводу, что передача этой модели образования привела к подчинению институтов образования Москве. Однако усиление советского контроля в вузах трех государствах, по мнению авторов, способствовало быстрому прогрессу в странах Третьего мира. Рабфаки занимались подготовкой нескольких поколений инженеров и врачей, а советская политика больше способствовала развитию государств, чем распространению своей идеологии⁴⁸. В эту группу относятся редкие исследования о конкретных программах помощи зарубежным образовательным институтам, которую инициировало правительство Н.С. Хрущева в 1957 г. В существующих работах авторы доказывают, что эти программы не просто меняли структуры зарубежных образовательных учреждений или распространяли модель советского образования, но служили инструментом подготовки специалистов, нужных для развития экономики, а также инструментом формирования просоветской элиты⁴⁹. Американские программы помощи в развитии университетов в странах Третьего мира часто рассматриваются с позиции теории взаимозависимости. Исследованы послевоен-

---

⁴⁶ *Scott-Smith G.* The Free Europe University in Strasbourg // *Journal of Cold War Studies*. 2014. Vol. 16. No. 2. P. 77–107; *Tent J.* The Free University. A Political History. Bloomington, 1988.

⁴⁷ *Durin-Hornyik V.* The Free Europe University in Exile Inc. and the Collège De L'Europe Libre (1951–1958) // The Inauguration of «Organized Political Warfare»: The Cold War Organizations Sponsored by the National Committee for a Free Europe / Free Europe Committee / Ed. L. Kádár. Budapest, 2013. P. 439–514.

⁴⁸ *Tim K., et. al.* Educational Transfers in Postcolonial Contexts: Preliminary Results from Comparative Research on Workers' Faculties in Vietnam, Cuba, and Mozambique // *European Education*. 2015. Vol. 47. No. 3. P. 242–259.

⁴⁹ *Tsvetkova N.* International Education during the Cold War: Soviet Social Transformation and American Social Reproduction // *Comparative Education Review*. 2008. Vol. 52. No. 2. P. 199–217; *Katsakioris C.* Soviet Lessons for Arab Modernization: Soviet Educational Aid towards Arab Countries after 1956 // *Journal of Modern European History*. 2010. Vol. 8. No. 1. P. 85–106.

ные программы зарубежной помощи и показана роль программ обменов в подготовке специалистов и будущей элиты⁵⁰. Дискурс о социальном инжиниринге используется в подобных работах. Однако в большинстве случаев исследования о конкретных проектах США или СССР в зарубежных университетах носят фрагментарный характер без рассмотрения вопроса о реакции местной профессуры и студентов на предлагаемые трансформации национальных университетов.

Сюда можно отнести исследования, которые затрагивают судьбу национального образования во время оккупации. Ученые постоянно возвращаются к примерам Японии, Германии и Кореи. Процессы советизации или американизации, доходившие, в самых худших проявлениях, до смены алфавита, как это было, например, в Японии или до увольнения ректоров и профессуры, как это было во время оккупации Германии. Подобные работы ставят вопрос о роли жесткой силы в проведении реформ в университетах, которые угрожали уничтожению национального образования. Однако именно в таких исследованиях ученые поднимают еще мало изученный вопрос о сопротивлении академического сообщества и выживаемости национальной системы образования, несмотря на попытки американизации или советизации⁵¹. Например, как представляется, многие реформы США и СССР не состоялись в Германии или в Афганистане в силу эффективного сопротивления со стороны академического сообщества, которое выступило за сохранение традиций национального образования⁵².

Вопросы внедрения научных направлений или дисциплин в зарубежных странах, например, американистики или марксизма, также упоминаются в ряде работ. Самая распространенная тема — внедрение *American studies*. Сегодня некоторые авторы отвечают на вопрос, почему внедрение данной дисциплины вызывало сопротивление в университетах других стран⁵³.

Наконец, студенты зарубежных университетов выступают отдельным предметом для исследований. Активная и открытая позиция мо-

---

⁵⁰ Selvaratnam V. Higher Education Co-Operation and Western Dominance of Knowledge Creation and Flows in Third World Countries // Higher Education. 1988. Vol. 17. No. 1. P. 41–68.

⁵¹ Nishi T. Unconditional Democracy: Education and Politics in Occupied Japan, 1945–1952. Stanford (CA), 1982; Tsvetkova N. Failure of American and Soviet Cultural Imperialism in German Universities, 1945–1990. Leiden, 2013; Armstrong Ch. The Cultural Cold War in Korea, 1945–1950 // The Journal of Asian Studies. 2003. Vol. 62. No. 1. P. 71–99.

⁵² Tsvetkova N. Americanisation, Sovietisation, and Resistance at Kabul University: Limits of the Educational Reforms // History of Education. 2017. Vol. 46. No. 3. P. 343–365; *idem*. Making a New and Pliable Professor: American and Soviet Transformations in German Universities, 1945–1990 // Minerva. 2014. Vol. 52. No. 2. P. 161–185.

⁵³ Pakin E. American Studies in Turkey during the Cultural Cold War // Turkish Studies. 2008. Vol. 9. No. 3. P. 507–524.

лодежи по тем или иным вопросам американизации или советизации оставляла многочисленные документальные следы, что всегда представляло ученым много возможностей изучать без особых сложностей данную тему. Политика США или СССР в отношении европейских студентов и поведение последних в отношении различных трансформаций изучается чаще всего⁵⁴.

Однако в исследованиях о политике США или СССР в зарубежных университетах не хватает рассмотрения таких вопросов, как поведение профессуры и профессорско-преподавательского состава в целом относительно навязываемых реформ. Реакция профессуры на реформы сверхдержав не была такой открытой или активной, как протесты студентов, что сказалось на скудности документальной базы в виде воспоминаний или каких-то статей в СМИ периода «холодной войны». Однако архивные фонды тех правительственных ведомств, которые получили отчеты от американских или советских реформаторов о саботаже, игнорировании или открытых заявлениях со стороны корпуса преподавателей, являются уникальными источниками по данному вопросу. Более того, существующим исследованиям не хватает расширения хронологических рамок. Ученые так и не вышли за пределы 1950–1960-х гг. в своих изысканиях. Наконец, совсем не охвачены ключевые страны Азии, Африки и Латинской Америки, в которых сталкивались интересы США и СССР, что способствовало активной образовательной политике двух сверхдержав.

Жанр историографического анализа и попытки определить место конкретной темы среди других исследований предполагают некое начало в создании научного знания. В данном случае началом выступают перспективы и возможности для исследований указанной проблемы — политика США и СССР в университетах конкретных государств в период «холодной войны».

Самое перспективное направление — это изучение реакции основных реципиентов — преподавателей, студентов и администраторов зарубежных университетов — на американские и советские трансформации. Зарубежные университеты, оказавшиеся под влиянием ценностей США или СССР, серьезно сопротивлялись. Ни США, ни СССР не удавалось в полной мере привить свои модели образования и идеологий в университетах зарубежных стран в период «холодной войны». Данная тема имеет три измерения: прикладное, историческое и теоретическое.

---

⁵⁴ *Connelly J.* East German Higher Education Policies and Student Resistance, 1945–1948 // *Central European History*. 1995. Vol. 28. No. 3. P. 259–298; *Garcia O.* A Complicated Mission: The United States and Spanish Students during the Johnson Administration // *Cold War History*. 2013. Vol. 13. No. 3. P. 311–329.

В прикладном плане она относится к современному состоянию высшего образования в России и мире. С точки зрения истории, наука собрала солидный эмпирический материал о взаимодействии между университетами и такими внешними силами, как общество, власть, государство или международные акторы. Экстраполяция исторического научного знания на современную ситуацию может объяснить причины замедления и провала многих реформ в образовательной сфере. В теоретическом плане феномен резистентности «башни из слоновой кости» навязыванию таких реформ, как изменение методов преподавания и ведения научной деятельности, внедрение дисциплин и изменение структур университета, до сих пор не имеет четкого концептуального обрамления. Концепции американизации и советизации требуют доработки, поскольку противопоставляют мягкие действия США и жесткую политику СССР в других странах, хотя современные эмпирические данные выявляют многочисленные сходства в методах проведения политики Москвы и Вашингтона в области культуры, образования.

В историографии мы не обнаружили ни одного исследования, которое бы выявило проблемы, с которыми сталкивались СССР и США в зарубежных вузах, а именно: саботаж профессуры, провалы в реформировании учебных планов, внедрении новых дисциплин, а также провалы в осуществлении таких структурных реформ, как слияние кафедр и создание институтов и департаментов вместо факультетов. Для развития данной темы, как нам кажется, необходимо следовать методам сравнения политики США и СССР в университетах ключевых стран Европы, Азии и Латинской Америки. Новые архивные документы СССР и США о политике в университетах зарубежных стран позволяют вскрыть данный исторический сюжет.